

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-69-80

СДВИГИ В КОММУНИКАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ МЕДИАДИСКУРСА

Максименко О. И.^{1*}, Ахренова Н. А.², Беляков М. В.³

¹ Государственный университет просвещения, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

³ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: maxbel7@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.09.2024

После доработки 26.09.2024

Принята к публикации 27.09.2024

Аннотация

Цель. В статье рассматривается проблема неосознанного (автоматического) употребления в процессе коммуникации в медиадискурсе слов и конструкций, значение которых с течением времени изменилось. Цель исследования – выявить предполагаемые семантические сдвиги, задача – выяснить причины выявленных сдвигов и интерпретировать процессы их появления.

Процедура и методы. Для решения задачи использованы методы корпусного анализа при формировании выборки и последующего контекстуального, семантического и этимологического анализа, а также количественные методы для выявления частоты встречаемости в сформированной выборке выявленных сдвигов с показателем *ipm*.

Результаты. К основным результатам и главным выводам можно отнести фиксацию сдвигов в коммуникативной норме из-за неразличения семантики слова или словосочетания (конструкции), которые приводят впоследствии к закреплению узусального сдвига и в дальнейшем вызывают неразличение их нормативного и ошибочного употребления.

Теоретическая значимость состоит в развитии теории семантических сдвигов в русском языке, рассмотрении закона семантической поляризации или энантиосемии, возникшей в результате активного использования данных конструкций в языке медиадискурса. **Практическая значимость** предполагает использование результатов для различения ситуации семантического сдвига во избежание его перехода в категорию нормы.

Ключевые слова: медиадискурс, норма, корпус, семантика, сдвиг, улучшение значения, ухудшение значения, закрепление сдвига¹

Для цитирования:

Максименко О. И., Ахренова Н. А., Беляков М. В. Сдвиги в коммуникативной семантике медиадискурса // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 69–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-69-80>

Original research article

SHIFTS IN COMMUNICATIVE SEMANTICS IN THE MEDIA DISCOURSE

O. Maksimenko^{1*}, N. Akhrenova², M. Belyakov³

¹ Federal State University of Education, ulitsa Radio 10A build. 2, Moscow 105005, Russian Federation

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, ulitsa Miklukho-Maklaya 6, Moscow 117198, Russian Federation

³ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, prospekt Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: e-mail: maxbel7@yandex.ru

Received by the editorial office 19.09.2024

Revised by the author 26.09.2024

Accepted for publication 27.09.2024

Abstract

Aim. The article deals with the problem of unconscious (automatic) use in the process of communication in media discourse of words and constructions whose meaning has changed over time. The aim of the study is to identify the supposed semantic shifts, the task is to find out the reasons for the identified shifts and interpret the processes of their appearance.

Methodology. To solve the problem, we used corpus analysis methods to form a sample and subsequent contextual, semantic and etymological analysis, as well as quantitative methods to identify the frequency of occurrence in the sample of the identified shifts with the ipm indicator.

Results. The main results and main conclusions include the fixation of shifts in the communicative norm due to the non-distinction of the semantics of a word or a construction, which subsequently lead to the consolidation of the usual shift and further cause the non-distinction of their normative and erroneous use.

Research implications. Theoretical significance consists in the development of the theory of semantic shifts in the Russian language, consideration of the law of semantic polarisation or enantiosema resulting from the active use of these constructions in the language of media discourse. The practical significance involves using the results to distinguish the situation of semantic shift in order to avoid its transition into the category of norm.

Keywords: media discourse, norm, corpus, semantics, shift, amelioration, deterioration, shift fixation

For citation:

Maksimenko, O. I., Akhrenova, N. A. & Belyakov, M. V. (2024). Shifts in communicative semantics in the media discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, pp. 69–80. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-69-80>

Введение

Изменения на уровне семантики в процессе коммуникации представляют собой значимый и сложный процесс, поскольку приводят к неосознанному (автоматическому) употреблению слов и конструкций, значение которых с течением времени поменялось под воздействием ряда факторов, включая функционирова-

ние языка в медиaprостранстве в целом и интернете в частности.

Цель данного исследования состоит в выявлении семантических сдвигов, возникающих в медиaprостранстве, задача – в выяснении причин выявленных сдвигов, интерпретации процессов их появления и возможном закреплении в языковом узусе.

Проблема смещения языковой нормы или её нарушения не нова. Системный отход от нормы в итоге может привести к закреплению искажения и превращения его в новую норму. Таким образом, норму можно рассматривать как определённую конвенцию. Считаем, что нарушение конвенции происходит как осознанно, намерено, так и по ряду разных причин, в частности из-за незнания закреплённых конвенций [1, с. 174].

Норма с философской точки зрения рассматривается как «предписание, разрешение или запрещение действовать определённым образом. Норма выражается нормативным или деонтическим высказыванием ... Каждая норма включает четыре элемента: содержание, действие, условия приложения, субъект»¹. Норма с позиций лингвистики воспринимается по-разному. Н. Н. Германова, рассматривая норму как объект теории языка, пишет, что норма соотносится «с понятиями языка и речи, потенции и реализации, схемы, системы, узуса, индивидуального акта речи» [2, с. 12], ссылаясь на исследования Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева и Э. Косериу, особо выделяя позицию Э. Косериу по отношению к исследованию нормы: «система – норма – речь» [3, с. 36].

В отечественной лингвистике интерес к исследованию понятию языковой нормы стал активно проявляться в последней трети XX в. Разные аспекты и подходы к её дефиниции рассматривались многократно, в том числе в работах Н. Д. Арутюновой [4; 5], В. В. Виноградова [6], А. Едлички [7], Л. Г. Ефановой [8; 9], Н. Н. Германовой [2; 10], В. А. Ицковича [11], Л. П. Крысина [12], О. С. Иссерс [13], А. Д. Шмелева [14] и др. Л. Г. Ефанова отмечала, что в «лингвистике категория нормы исследуется в трех основных аспектах: как основание оценки (логи-

ко-философский аспект); как одна из составляющих модальной рамки (прагматический аспект); как составной элемент семантической категории градуальности, интенсивности, предельности (количественный аспект)» [8, с. 21].

В. А. Ицкович дефинировал норму как «существующее в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления, причем эти единицы могут быть либо единственно возможными, либо выступать в виде сосуществующих вариантов» [11].

О влиянии теории коммуникации на исследование нормы указывал А. Едличка. Он делал акцент на двусторонности нормы как категории языковой и социальной, говоря, что необходимо отойти от старого основного термина «языковая норма» к выбору термина «норма языковой коммуникации» [7], впоследствии перейдя к термину «коммуникативная норма». А. Едличка предложил различать три вида нормы: формационную (системную), коммуникативную (ситуативную) и стилистическую [7].

М. Р. Савова [15] предложила шкалу оценки речевых норм: этические (прилично – неприлично, хорошо – плохо), коммуникативные (удачно – неудачно, эффективно – неэффективно), языковые (правильно – неправильно), речевые (логично – нелогично, точно – неточно, уместно – неуместно, доступно – недоступно, разнообразно – однообразно, выразительно – невыразительно), этикетные (в рамках этических и коммуникативных): принято – не принято. Опираясь на эту классификацию, легко заметить, что в современном медиадискурсе за последние годы сформировалась устойчивая тенденция целенаправленного нарушения коммуникативных, языковых и речевых норм.

Из приведённых выше определений видно, что норма является установленной письменно закреплённой мерой.

¹ См.: Новейший философский словарь: НОРМА [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/835/норма (дата обращения: 15.07.2024).

Признаны разные виды норм: социальная, политическая, грамматическая и пр., но сдвиги (изменения) в первую очередь происходят в коммуникативной норме, так как процесс коммуникации напрямую влияет на возникновение искажений в спонтанной речи. Под коммуникативной нормой понимаются принятые в обществе правила речевого общения, определяющие типы речевого поведения коммуникантов в разных ситуациях, а также совокупность принципов, постулатов и правил целесообразного и эффективного речевого поведения¹. Именно использование нормированных средств общения, включая общение, протекающее в медиадискурсе, способно обеспечить успешный речевой акт. Безусловно, процесс коммуникации поддерживают и так называемые инварианты нормы, включая просторечную, арготическую, литературную, элитарную и др. Однако не все эти нормы являются кодифицированными (в терминологии А. Едлички и В. А. Ицковича), из них эталонна только литературная норма. При таком взгляде на норму все остальные проявления нормы могут быть приписаны к «сдвигам».

Л. И. Гришаева, говоря об объективизации выбора медиадискурса для изучения изменений в коммуникативной норме, выделяет следующие причины обращения к медиатекстам:

– Медиатексты представляют собой результат речемыслительной деятельности носителей языка и культуры. Это продукт фиксации взаимодействия коммуникантов с помощью разнородных и разноуровневых языковых средств, которые могут сочетаться по-разному с невербальными способами и средствами объективизации сведений о мире.

– Медиатексты отражают предельно актуальные представления носителей языка и культуры и крайне востребованные здесь и сейчас способы и средства объективизации значимых для общества представлений.

– Медиатексты адресуются прежде всего коллективному субъекту, о разнообразных характеристиках которого продуцент текста имеет довольно четкое представление.

– В медиaprостранстве порождаются тексты разного типа, содержательная, формальная и функциональная организация которых не тождественна.

– Один медиаресурс фиксирует с помощью языковых и невербальных средств одновременно несколько способов реализации одной и той же коммуникативной стратегии [16, с. 77].

Коммуникативная норма, включая её реализацию в медиадискурсе, подвержена изменениям (сдвигам), определяемым лингвопрагматикой. При этом изменения нормы наблюдаются на всех уровнях языка, особенно ярко проявляясь на лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Лексико-семантическая норма регулирует употребление слова в том значении, которое оно имеет в языке. Существуют различные точки зрения, позволяющие понять, как воспринимается нарушение лексико-семантической нормы. Данный вид нормы непосредственно связан со значением или совокупностью значений слова, семантическая норма регулирует отношения значения и инварианта.

В. В. Виноградов считал, что инварианты могут быть представлены основным номинативным, фразеологическим и синтаксически обусловленным значением слова [6]. Это и есть основные кодифицированные значения слова. Однако за последние три десятилетия в русском языке происходит развитие инвариантности, определяемое как сугубо лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами, одной из которых

¹ См.: Сковородников А. П. Коммуникативная норма, или коммуникативно-прагматическая норма // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 221–223.

можно считать коммуникацию в медиа-пространстве, а также почти полное отсутствие как внешней профессиональной редакции в медиадискурсе, так и внутренней цензуры/редактуры авторов статей.

Материал и методы исследования

Сдвиги в коммуникативной норме из-за неразличения семантики слова или синтаксической конструкции вызывают закрепление узуального сдвига и в дальнейшем приводят к неразличению нормативного и ошибочного употребления.

Трансформационные процессы в семантике именуются лингвистами по-разному: «приращение смысла», «гиперсемантизация», «семантический сдвиг», «семантические аномалии» и др. [17]. Как мы писали в другой работе ранее [18], исследованием и систематизацией семантических сдвигов в разные годы занимались Л. Блумфилд [19], А. Бланк [20], М. Брель [21], А. Дирк [22], С. Ульман [23], А. Дармстетер [24] и т. д. В. А. Успенский в статье «Безобидны ли семантические сдвиги?» для обозначения подмены понятий использовал термин *квинпрокво* (от фр. *quiproquo* – букв. «кто вместо кого») [25, с. 267].

Наиболее распространённой является типология семантических сдвигов по Андреасу Бланку [20]: метафоризация – перенос наименования на основе ассоциации по сходству, т. е. скрытое сравнение; метонимизация – перенос значения по смежности; сужение значения (также «обогащение значения», «семантическая специализация», «конкретизация значения», «уменьшение семантического объёма»); расширение значения (также «обобщение», «обеднение значения», «генерализация значения», «увеличение семантического объёма»); перемещение; антифразис; энантиосемия; автоконверсия; эллипсис; народная этимология [9]. Данная типология расширяется за счёт переноса значения в лучшую сторону в ходе времени, возвышения, «улучшения»

лексического значения (*amelioration*) и процесса понижения значения в социальной сфере его использования, сопровождающегося появлением унижающего и презрительного эмоционального тона в значении того или иного слова, ухудшение, деградация значения (*deterioration*) [1].

Процесс сдвигов в коммуникативной семантике частотных лексем, активно используемых в том числе и в медиадискурсе, точнее в дискурсе средств массовой информации, что зафиксировано в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), а именно в подкорпусах центральных СМИ и региональных СМИ, можно проследить на примере приобретения адгерентных негативных коннотаций у сложных предлогов *благодаря*, *с помощью* и у глагольной формы *позаботиться*. Использование в современных медиатекстах устаревших союзов *ибо*, *нежели*, *то бишь*, указательного местоимения *сей*, вводных слов *дескать*, *мол* также можно рассматривать как коммуникативный семантический сдвиг, если подобное употребление не оправданно стилистически. Надёжными методами определения произошедших сдвигов являются методы корпусного исследования, а также количественные методы для верификации полученных результатов.

Результаты исследования, их анализ и обсуждение

Изменения на уровне семантики представляют собой важный и сложный процесс, поскольку данные изменения связаны с неосознанным употреблением слов и конструкций, значение которых поменялось с течением времени под влиянием других языков, медиапространства, интернета и др.

Как правило, большинство исследователей занимаются семантическими изменениями на уровне однозначной лексики, например, С. С. Алешкевич [26], рассматривая воздействие таких тропов, как метафора, метонимия и пр. на эти

изменения. Есть работы на материале английского языка¹, где изучаются изменения значения лексики в диахроническом аспекте с положительного на отрицательное и обратно, так называемые пейорация и мелиорация. В целом, такие изменения значений происходят постепенно, чаще всего в диахронии, и достаточно хорошо описаны. Однако схожие процессы в разряде служебных слов происходят намного динамичнее и их причины иные, связанные, на наш взгляд, не с постепенными языковыми процессами, а со сдвигом семантической коммуникативной нормы под влиянием, в первую очередь, современного медиадискурса, где отклонение от нормы стало своего рода нормой.

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)² зафиксированы случаи ненормированного употребления служебных слов, которые стали использоваться с отрицательной коннотацией, являясь при этом изначально позитивными. К ним можно отнести такие производные предлоги, как *благодаря, с помощью*; устаревшие слова *ибо, то бишь, мол, дескать и сей*.

Так, сложный предлог *благодаря* возник из деепричастия *благодаря* – от «благодарить, словообразовательной кальки греч. *eucharistein* (eu «благо, хорошо», *charistein* «давать, преподносить»)»³. Этимология предлога *благодаря* подтверждает его ингерентную позитивную коннотацию, и таким образом он не должен употребляться в контексте для обозначения негативного результата.

В корпусе методом случайной выборки были рассмотрены 100 примеров употребления данного предлога, при этом в подкорпусе центральных СМИ обнаружено 8 примеров (из 48930) такого словоупотребления, в подкорпусе региональных СМИ – 6 примеров (из 4595 примеров). После количественной обработки выявлено, что частота (*ipm*), вычисляемая по формуле: $ipm(x) = \text{freq}(x) * 1000000 / \text{corp}$, равна 261,5 словоупотреблений в данном запросе и 0,04 словоупотреблений в целом корпусе. Например, *Грядущие новогодние праздники **благодаря** погодным катаклизмам могут запомниться россиянам надолго*⁴ или ***Благодаря** таким стоматологам, я остался без единого зуба и шансов поставить протезы*⁵. В отмеченных случаях *благодаря* выполняет роль предлога *из-за*, который не имеет определённой фиксированной тональности (негативной / положительной) и вводит причину происходящего. Адгерентная негативная коннотация производного предлога *благодаря*, образованного от деепричастия с изначально положительным значением, выражается в структуре предложения, где смысл клаузы, не включающей данное слово, имеет неблагоприятный исход.

Адгерентное отрицательное значение сложных предлогов *с помощью, при помощи* составило 10 (из 52174) в подкорпусе центральных СМИ, 2 (из 3038) в подкорпусе региональных СМИ. Эти предлоги образованы от «существительного *помощь*, исконно рус. *помочь*, с помощью суффикса -ть- от **romogti* (помочь)»⁶. Конструкции с предлогами *с помощью* и *при помощи* должны маркировать позитивное разрешение ситуации, но изме-

¹ См.: Okrent A. 13 Words That Changed From Negative to Positive Meanings (or Vice Versa) [Электронный ресурс] // Mental Floss : [сайт]. URL: <https://www.mentalfloss.com/article/65987/13-words-changed-negative-positive-or-vice-versa> (дата обращения: 15.07.2024).

² Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.07.2024).

³ См.: БЛАГОДАРЯ // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://1793.slovaronline.com/265-благодаря> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Метеорологический экстрим // РБК Daily, 2009.12 (здесь и далее иллюстративный материал собран в базе НКРЯ).

⁵ Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011) [НКРЯ].

⁶ См.: ПОМОЩЬ // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://1793.slovaronline.com/3816-помощь> (дата обращения: 15.07.2024).

нение семантики конструкции привело к тому, что эти предлоги стали использоваться универсально, поскольку грань между положительной и отрицательной коннотацией при использовании этих предлогов стёрлась: *Однако с помощью одного из них Москва может в одиночку воссоздать нефтяной кризис 1973 года*¹. Кроме того, сотрудников Московской антидопинговой лаборатории обвинили в сокрытии положительных проб *с помощью* добавления в них соли и кофе².

Примером приобретения адгерентного негативного значения служит глагол *позаботиться* в значении *избавиться*. В подкорпусе центральных СМИ выявлено 7 примеров (из 2907), в подкорпусе региональных СМИ – 2 примера (из 437). Если в двух предыдущих случаях значение сменилось на противоположное, то ситуация с *позаботиться* иная. Семантический сдвиг добавил этой лексеме значения *устранить, убить, удалить, уничтожить* и т. д., когда этимологически *позаботиться* произошло от существительного *забота*, что означает «зобиться – заботиться; кормить (от зоб «еда, пища»)»³. Например: *Несколько дней спустя он предложил позаботиться об оставшихся в регионе террористах другим странам, в том числе Турции*⁴. Кроме того, он предложил *позаботиться об оставшихся в регионе террористах другим странам, в том числе Турции*⁵.

Для выявления причин возникновения противоположных значений в слове необходимо принимать во внимание

эмотивные характеристики, способные по-разному окрашивать те же самые или близкие представления в зависимости от установки, которую получает слово в своём употреблении. В этом утверждении есть указание на причину того, почему слова *благодаря* и *с помощью* употребляются в отрицательном значении. Возможно, в некоторых случаях они выражают иронию или сарказм, однако, для уверенной идентификации этих тропов обязателен контекст, которого в корпусе недостаточно.

Рассмотрим далее ситуацию с конструкциями 1) *можно, пожалуйста* и 2) *нежели, чем*. В обоих случаях присутствует речевая избыточность, нежелательная при построении нормативного русского предложения. *Можно, пожалуйста* – «это калька с англоязычной конструкции *May I please* – Могу ли я / могу я, которая поначалу переводилась на русский нормативно: «*May I please have a glass of water?* – Можно мне стакан воды?» [27]. В русском языке есть возможность выражения просьбы о разрешении с помощью формы «могу» от глагола *мочь* или модального слова «можно», но в каждом случае присутствуют стилистические особенности. *Могу* используется как универсальный вопрос, в то время как *можно* применяется для вопроса с вежливой коннотацией. *Пожалуйста* имеет такие же характеристики, как и слово *можно*, поэтому их совместное употребление в предложении некорректно и ненормативно. В предложении «*Мам, можно мы, пожалуйста, сразу на тренировку поедем?*»⁶ дети вежливо спрашивают разрешение пойти на тренировку, однако использование *пожалуйста* дополнительно смягчает предложение, т. к. обладает той же семантикой, как и слово *можно*. Из чего следует вывод, что это закрепившаяся в коммуникативном узусе молодого поколения калька с английской

¹ Захарова предложила министру экономики Сербии выступить против давления США // ria.ru, 14.03.2023 [НКРЯ].

² Глава UKAD высказался за отстранение сборной России от Олимпиады-2018 // lenta.ru, 2017.01 [НКРЯ].

³ См.: ЗАБОТА // Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н. М. URL: <https://1793.slovaronline.com/1256-забота> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Турция пойдет в атаку в Сирии без оглядки на США // lenta.ru, 2019.01 [НКРЯ].

⁵ США оставили за собой право бомбить Сирию // lenta.ru, 2019.01 [НКРЯ].

⁶ «Идеальный день? Проснуться без будильника» // lenta.ru, 2019.03 [НКРЯ].

конструкции, дословного перевода с одного языка на другой. Допустимо и другое объяснение, основывающееся на том, что детей с раннего возраста приучают вставлять этикетную форму *пожалуйста* в предложения как маркер вежливости при выражении просьбы: *Мама, можно мне, пожалуйста, съесть конфетку?*

Сходная ситуация наблюдается в конструкции *нежели, чем*, включающей два взаимозаменяемых синонима, различие которых только в степени новизны. Союз *нежели* является архаизмом или устаревшим словом, идентичным союзу *чем*. Конструкция, сочетающая эти две лексемы, громоздка, повторение однородных слов не оказывает влияния на смысл высказывания и является явно избыточным. В современных текстах и речи нормативно и достаточно использование союза *чем*, поскольку он стилистически нейтрален и может применяться практически в любом контексте вне зависимости от темы, в то время как архаизм *нежели* в большей степени подходит возвышенному стилю. Это также относится и к другим подобным устаревшим словам, как: *ибо, то бишь, мол, дескать и сей*. Практически все они могут быть заменены современными нейтральными эквивалентами, например, *потому что, так как, как и* т. д. Две лексемы из этого списка можно причислить к словам, потерявшим своё исходное значение, ввиду их трансформации в слова, заполняющие паузы при хезитации. Это слова *ибо* и *то бишь*. Иногда они употребляются в качестве связок между частями предложения, но по сути эти лексемы не несут никакой смысловой нагрузки, за исключением тех случаев, когда они употребляются как союзы. Например: *Иллюстрацией к начавшемуся процессу может послужить опубликованная в «Богатее» под № 41 (643) от 20.12.2012 года статья «Народ хотел хлеба, а не зрелищ»¹, в которой побывавший на месте событий*

журналист издания подробно живописал представшую его глазам картину, то бишь циничный снос павильона бригадой рабочих под чутким присмотром судебного пристава-исполнителя Саратовского межрайонного городского отдела судебных приставов Николая Петрышова. Ибо цена ошибки здесь может оказаться непомерно высокой².

Таким образом, под семантическим сдвигом понимается не только ошибка в употреблении того или иного слова, но и неконвенциональное употребление языковой единицы, представляющее собой сознательные нарушения языковых правил, которые можно классифицировать, исходя из интенций говорящего. Результат – появление в высказывании либо дополнительного, либо образного смысла или полное переосмысление каких-либо его компонентов. Нарушение семантической нормы ведёт к полному или частичному непониманию текста, а также ложной или частично ошибочной интерпретации текста, что влияет на восприятие языковой картины мира и вносит в неё свои изменения.

Корпусной анализ показал, что употребление сдвигов / ошибочных конструкций в печатных СМИ, представленных в медиадискурсе, приводит к увеличению использования данных конструкций не только на письме, но и в устной речи.

В ходе работы удалось установить, что не все сдвиги ошибочны, поскольку это зависит от области, в который сдвиг был обнаружен. На самом подвижном уровне (лексический уровень) изменения не будут столь заметны, так как здесь модификации происходят ежедневно из-за большого числа неологизмов и заимствования лексики из других языков. Нами было обнаружено, что изменения семантики в данном случае зависят или от «растворения» значения, как в случае

¹ Сатченко В. Сказ о том, как приставов оклеветать хотели // «Богатей» (Саратов), 2013 [НКРЯ].

² Головачев Виталий. Работа над ошибками // Труд-7, 2005.02 [НКРЯ].

со словами *благодаря, с помощью и позаботиться*, или от стремления к стилистической маркированности высказывания (*ибо, бишь, нежели*). Именно поэтому употребление этих слов в другом значении не будет являться ошибкой, поскольку подвижность лексического уровня позволяет осуществлять различные речевые трансформации. С другой стороны, семантический сдвиг может не только придавать новые лексические значения словам, но и менять стилистику слов, что произошло с архаичными союзами, которые стали маркером книжного стиля, поэтому их использование в текстах новостного медиадискурса нежелательно.

Заключение

Исследователи – философы и лингвисты – рассматривают норму как неотъемлемую составляющую социума и языка, функционирующего в нём. Философы в первую очередь занимаются аксиологической нормой, лингвисты – нормой, реализуемой на всех языковых уровнях. Коммуникативная норма опирается на исследования и тех, и других, т. к. речевая деятельность и порождение письменных текстов, как её результат, предполагают аксиологический базис и набор правил естественного языка, с помощью которых можно реализовать основные постулаты (максимы) речевого общения.

Теоретическая значимость проведённого исследования подчёркивает, что семантические сдвиги связаны с расширением или сужением значения слова, ухудшением значения, избыточностью и т. д. Ненормированное использование в медиадискурсе служебных слов (предлогов и союзов), характеризуемых широко интерпретируемой полисемией и приводящих к плеоназму, лингвистически неэкологично и коммуникативно пусто.

О. С. Иссерс [13] отмечала, что оценка респондентами разного рода отступлений от нормы, в том числе и обусловленных задачами коммуникативной целесообразности с учётом фактора адресата, является преимущественно негативной, при этом предполагается, что источники, ориентированные на массового адресата, должны формировать вкус, а не подстраиваться под него.

Даже учитывая тот факт, что тексты СМИ в медиадискурсе должны проходить процесс редактирования, в процессе которого подобные нарушения должны устраняться, это происходит далеко не во всех случаях. Можно говорить о вступлении в силу закона семантической поляризации или энантиосемии, возникшей в результате активного использования данных конструкций в языке медиадискурса, когда из-за частотности употребления ситуация семантического сдвига переходит в категорию неразличения нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Максименко О. И. Языковая игра в нейминге и рекламе в городском ландшафте как сдвиг коммуникативной нормы // *Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: коллективная монография* / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: МГЛУ, 2023. С. 173–192.
2. Германова Н. Н. Языковая норма в эпицентре дискуссий: отечественная и англоязычная лингвистика о языковой норме и нормировании языка // *Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: коллективная монография* / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: МГЛУ, 2023. С. 11–40.
3. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история: проблема языкового изменения. М.: УРСС, 2001. 204 с.
4. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // *Вопросы языкознания*. 1987. № 3. С. 3–19.
5. Арутюнова Н. Д. Понятие нормы. Аномалии и язык // Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 65–90.

6. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1997. С. 162–189.
7. Едличка А. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М.: Прогресс, 1988. С. 135–149.
8. Ефанова Л. Г. Категория нормы как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (96). С. 21–24.
9. Ефанова Л. Г. Норма как философская и семантическая категория // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 70–78.
10. Германова Н. Н. Нормирование языка как средство создания различных типов социокультурной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 6 (717). С. 149–157.
11. Ицкович В. А. Норма и ее кодификация // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 9–39.
12. Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20–31.
13. Иссерс О. С. Представления о речевом идеале, речевых приличиях и языковом вкусе (по данным пилотного социолингвистического исследования) // Коммуникативные исследования. 2018. № 4 (18). С. 95–111. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.95-111.
14. Шмелев А. Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого // Отечественные записки. 2014. № 2 (59). С. 274–285.
15. Савова М. Р. Этические и коммуникативные нормы в системе норм оценки речи // Наука и школа. 2009. № 1. С. 24–27.
16. Гришаева Л. И. Явная или скрытая норма: нормативность коммуникации в коммуникации // Языковая норма в синхронии и диахронии: культурное достояние или посягательство на самовыражение?: коллективная монография / под ред. Н. Н. Германовой, В. А. Пищальниковой. М.: МГЛУ, 2023. С. 76–110.
17. Дорофеев Ю. В. Трансформация семантики языковых единиц в тексте: функциональный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. № 5. С. 48–61. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.5.48-61.
18. Беляков М. В., Максименко О. И. Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 174–194. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194.
19. Bloomfield L. Language. New York: Allen & Unwin, 1933. 566 p.
20. Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change // Blank A., Koch P. Historical Semantics and Cognition. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1999. P. 61–99. DOI: 10.1515/9783110804195.61.
21. Bréal M. Essai de sémantique; 2nd ed. Paris: Hachette, 1899. 352 p.
22. Dirk G. Reclassifying Semantic change // Quaderni di Semantica. 1983. No. 4. P. 217–240.
23. Ullmann S. Semantics: an introduction to the science of meaning. Oxford: Blackwell, 1972. 278 p.
24. Darmesteter A. La vie des mots étudiée dans leurs significations. Paris: Delagrave, 1887. 234 p.
25. Успенский В. А. Безобидны ли семантические сдвиги? // Успенский В. А. Труды по нематику: в 5 кн. Книга 1. Памяти ушедших. Аппарат издания; 2-е изд. исправл. и дополн. М.: ОГИ, Фонд «Математические этюды», 2020. 640 с.
26. Алешкевич С. С. Классификация и особенности семантических изменений // Современное педагогическое образование. 2021. № 4. С. 231–235.
27. Северская О. И., Высоцкая И. В. «Можно, пожалуйста,...» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 225–233. DOI: 10.17223/18137083/68/20.

REFERENCES

1. Maksimenko, O. I. (2023). Language play in naming and advertising in the urban landscape as a shift in the communicative norm. In: *Language norm in synchrony and diachrony: cultural heritage or an encroachment on self-expression?* Moscow: Moscow State Linguistic University publ., pp. 173–192 (in Russ.).

2. Germanova, N. N. (2023). Language norm at the epicenter of discussions: Russian and English-language linguistics on the language norm and language standardization. In: *Language norm in synchrony and diachrony: cultural heritage or an encroachment on self-expression?* Moscow: Moscow State Linguistic University publ., pp. 11–40 (in Russ.).
3. Coseriu, E. (2001). *Synchrony, Diachrony and History: The Problem of Language Change*. Moscow: URSS publ. (in Russ.).
4. Arutyunova, N. D. (1987). Anomalies and language (to the problem of the linguistic “picture of the world”). In: *Topics in the Study of Language*, 3, 3–19 (in Russ.).
5. Arutyunova, N. D. (1999). The concept of the norm. Anomalies and language. In: Arutyunova, N. D. *Language and the human world*. Moscow: Yazyki russkoy kultury publ., pp. 65–90 (in Russ.).
6. Vinogradov, V. V. (1997). Basic types of lexical meanings of a word. In: Vinogradov, V. V. *Selected works. Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka publ., pp. 162–189 (in Russ.).
7. Jedlička, A. (1988). Types of norms of language communication. In: *New in foreign linguistics. Issue XX: Theory of literary language in the works of scientists of the Czechoslovak Socialist Republic*. Moscow: Progress publ., pp. 135–149 (in Russ.).
8. Efanova, L. G. (2010). The category of norm as an linguistic object. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 6 (96), 21–24 (in Russ.).
9. Efanova, L. G. (2015). Norm as a philosophical and semantic category. In: *Siberian Journal of Science*, 1 (16), 70–78 (in Russ.).
10. Germanova, N. N. (2015). Language standardization as a means of creating different types of sociocultural identity. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (717), 149–157 (in Russ.).
11. Itskovich, V. A. (1970). The norm and its codification. In: *Actual problems of speech culture*. Moscow: Nauka publ., pp. 9–39 (in Russ.).
12. Krysin, L. P. (2017). To the correlation of the language system, its norms and usage. In: *Communication Studies*, 2 (12), 20–31 (in Russ.).
13. Issers, O. S. (2018). Representations of speech ideal, speech decency and language taste (on the material of the pilot sociolinguistic experiment). In: *Communication Studies*, 4 (18), 95–111. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.95-111 (in Russ.).
14. Shmelyov, A. D. (2014). A widespread mistake or a new norm: what is the way to distinguish one from the other? In: *Domestic Notes*, 2 (59), 274–285 (in Russ.).
15. Savova, M. R. (2009). Ethical and communicative norms in system of norms of an estimation of speech. In: *Science and School*, 1, 24–27 (in Russ.).
16. Grishaeva, L. I. (2023). Explicit or hidden norm: normativity of communication in communication. In: *Language norm in synchrony and diachrony: cultural heritage or an encroachment on self-expression?* Moscow: Moscow State Linguistic University publ., pp. 76–110 (in Russ.).
17. Dorofeev, Yu. V. (2020). Transformation of the semantics of linguistic units in the text: A functional approach. In: *Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series*, 162 (5), 48–61. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.5.48-61 (in Russ.).
18. Belyakov, M. V. & Maksimenko, O. I. (2024). The Problem of Semantic Shift in Modern Russian: Corpus Research on the Example of a News Media Discourse. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 174–194. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194 (in Russ.).
19. Bloomfield, L. (1933). *Language*. New York: Allen & Unwin.
20. Blank, A. (1999). Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change. In: Blank, A. & Koch, P. *Historical Semantics and Cognition*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, pp. 61–99. DOI: 10.1515/9783110804195.61.
21. Bréal, M. (1899). *Essai de sémantique*; 2nd ed. Paris: Hachette.
22. Dirk, G. (1983). Reclassifying Semantic change. In: *Quaderni di Semantica*, 4, 217–240.
23. Ullmann, S. (1972). *Semantics: an introduction to the science of meaning*. Oxford: Blackwell.
24. Darmesteter, A. (1887). *La vie des mots étudiée dans leurs significations*. Paris: Delagrave.
25. Uspensky, V. A. (2020). Are semantic shifts harmless? In: Uspensky, V. A. *Works on non-mathematics: in 5 books. Book 1. In memory of the departed. Publishing apparatus*; 2nd ed. Moscow: OGI publ., Fond “Matematicheskoye etudy” publ.
26. Aleshkevich, S. S. (2021). Classification and peculiarities of semantic changes. In: *Modern Pedagogical Education*, 4, 231–235 (in Russ.).

27. Severskaya, O. I. & Vysotskaya, I. V. (2019). "Mozhno, pozhaluysta..." as a speech formula for the "newest Russian politeness". In: *Siberian Journal of Philology*, 3, 225–233. DOI: 10.17223/18137083/68/20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максименко Ольга Ивановна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета Государственного университета просвещения;

ORCID: 0000-0002-6611-8744; e-mail: maxbel7@yandex.ru

Ахренова Наталья Александровна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

ORCID: 0000-0002-1265-5595; e-mail: nakhrenova@mail.ru

Беляков Михаил Васильевич (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

ORCID: 0000-0002-6230-9893; e-mail: m.belyakov@my.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga I. Maksimenko (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Federal State University of Education;

ORCID: 0000-0002-6611-8744; e-mail: maxbel7@yandex.ru

Natal'ya A. Akhrenova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

ORCID: 0000-0002-1265-5595; e-mail: nakhrenova@mail.ru

Mikhail V. Belyakov (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of the Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;

ORCID: 0000-0002-6230-9893; e-mail: m.belyakov@my.mgimo.ru